

А.А. Парамонов

**«СТИХИЯ ЧЕРТЕЖА».
К ТОПОЛОГИИ ТРАНСВЕРСАЛЬНОСТИ**

Парамонов Андрей Альбертович – кандидат философских наук, научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; доцент Факультета гуманитарных наук. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, дом 20; e-mail: andrei-paramonov@yandex.ru

В статье поднимается вопрос о статусе пространственных образов и рисунков в философском тексте. В качестве исходного текста исследования были выбраны недавно опубликованные архивные материалы М.К. Мамардашвили, представляющие собой подготовительные заметки к его лекциям по Прусту 1981–1982 гг. В центре внимания графические схемы-рисунки и пространственные образы, которые используются в заметках. Предложена наглядная модель так называемого понимающего топоса или трансверсального пространства как структурного принципа исследовательского подхода Мамардашвили. На основании предложенной модели высказано предположение о структурном подобии подходов М.К. Мамардашвили и Ж. Делёза к анализу романа Пруста «В поисках утраченного времени».

Ключевые слова: стихия чертежа, топология, трансверсальность, понимающий топос, ноогенная машина, сетка Мёбиуса, преобразование Мёбиуса

Когда-то американский математик Тристам Нидхем в своей ставшей знаменитой книге “Visual Complex Analysis”¹ сравнил современную математику с неким государством, в котором, несмотря на всяческое побуждение его граждан к изучению музыкальных произведений, а некоторых даже к сочинительству, музыка не получает широкого развития. Дело в том, что в этом государстве существует запрет на исполнение и прослушивание музыкальных произведений. Столь же странным, по мнению Нидхема, выглядит негласно утвердившийся в математике отказ от использования визуальных построений

¹ *Needham T. Visual Complex Analysis. Oxf., 1997.*

в доказательствах и признание допустимыми лишь формально-логическими аргументами. Существует, считает он, опасность утраты математикой «геометрической интуиции», опираясь на которую еще в недалеком прошлом математики получали фундаментальные результаты, о которых теперь принято рассуждать на языке абстрактных символов.

На первый взгляд, опасения Нидхема ограничены областью математики или даже только геометрии. Касаются ли они других областей знания? Какую роль, например, может играть пространственный образ в области аналитического суждения или в философском тексте?

Ответ на этот вопрос не столь очевиден. Разве не на примере проявления своего рода геометрической интуиции Сократ, если следовать Платону, «показывает» Менону, что душа бессмертна?

Конечно, пространственные и даже геометрические образы и метафоры широко используются в философских рассуждениях. Но не предполагают ли они за собой существования определенной пространственной структуры или даже особого пространственного измерения, уникального топоса? А если предполагают, можно ли это реконструировать?

В качестве исходного материала исследования мы выбрали недавно опубликованные архивные материалы М.К. Мамардашвили к его известным лекциям 1981–82 гг. по роману Пруста «В поисках утраченного времени»². Это подготовительные заметки к лекциям – немногим более сорока страниц, пронумерованных римскими цифрами, что, вероятно, подчеркивает их особый статус. Некоторые заметки датированы. По всей видимости, они составлялись по мере чтения курса, накануне предстоящей лекции, но иногда в них можно встретить автокомментарий к уже прочитанной лекции. Возможно, на основе этих заметок автор предполагал в дальнейшем написать вводную главу к планируемой им книге по Прусту. Ни один из опубликованных фрагментов нельзя назвать завершенным: почти на всех страницах разноформатные, сделанные от руки дополнения, которые к тому же оказываются не финальными уточнениями написанного, но лишь поводом к дальнейшим размышлениям и в свою очередь обрастают новыми комментариями. Своего рода *work in progress*, как бы предполагающая постоянное перепрочтение автором уже написанного, отражает характерное отношение Мамардашвили к своим текстам³. Это рабочий материал, который автор обращает к себе, своего рода пространство предварительной сборки, в котором постепенно складывается наработанные когда-то мыслительные ходы, конструкции, образы для последующего разворачивания и использования на лекциях. Поэтому обращение при чтении этого текста к другим работам Мамардашвили оказывается не только оправданным, но диктуется характером этого пространства. И, конечно, самая важная в контексте нашего рассмотрения особенность текста – его наполненность пространственными образами и метафорами. Есть и рисунки⁴ – относительно простые, выполненные карандашом или шариковой ручкой, иногда повторяющиеся, как бы рисуемые заново.

Попытаемся в качестве первого шага уточнить возможный статус рисунков в тексте, который мог бы предполагаться автором. Что заставляет нас отложить текст и начать рисовать?

² Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. Т. 1. М., 2015. С. 727–770.

³ В предельно заостренной форме, хотя и в несколько абстрактных образах это отношение Мамардашвили выразил в следующих словах: «...если я вижу, читаю, произношу математическую формулу без того в ней, что обязано в ней только мне или в ней только от меня, то я не существую в ней, мертв, – точно так же мертво, убито мной то, что я вижу, произношу, чем оперирую» (там же. С. 738).

⁴ В статье будет представлена графическая реконструкция рисунков Мамардашвили.

Стихия чертежа

Быть может, наиболее непосредственно эту тему Мамардашвили затрагивает в лекциях по античной философии, которые он читал в Москве в Институте кинематографии в 1980 г., на примере античного геометрического доказательства. Так, именно на примере геометрического доказательства он демонстрирует то, что называет «устойчивой мыслью» греков, а именно «мысль о существовании особой категории явлений, где нечто умное, или истинное, в то же время явлено самим составом явления». Именно в таком контексте звучит вопрос: «Чем занимается геометр, когда он рисует чертеж, проводит линию? К чему относится его доказательство? К тому, что он нарисовал, к тому, что он начертил, построил и выполнил? <...> Что он делает?»⁵.

Рисую фигуру, проводя прямую линию, замыкая кривую в окружность, геометр, полагает Мамардашвили, экспериментирует с возможностями порождения эмпирического события – «наглядно расположенного понимания»⁶. Можно сказать, что в пространстве создания рисунка происходит процесс доказательства теоремы, и когда в этой «стихии чертежа», некоей «организующей ткани», на конечных элементах которой, как своего рода органах чувств, возникает понимание, в этот момент рождается геометр, способный доказать теорему, но все уже доказано, чертеж построен. Почти в таких же формулировках в этих же лекциях Мамардашвили говорит и о романе Пруста: «Роман <...> кончается появлением персонажа, который может написать этот роман, уже написанный. Утраченное время обречено, и теперь можно рассказывать. А уже все рассказано»⁷.

И это подводит нас к вопросу о названии лекций по Прусту «Психологическая топология пути». Разъяснение Мамардашвили в подготовительных материалах звучит достаточно герметично, но в нем просматривается созвучность, которую мы и попытаемся раскрыть, с тем, что говорилось выше о «стихии чертежа»: «Топология есть геометрия сродства (Сродство частей к целому. Attractions [притяжения (фр.)]), особого рода “одновременности” (“избирательное сродство” у Гёте⁸), особого рода протянутости. Протянутость как особое условие событий знания и понимания, реализаций (когда есть разделение источников изменением и необходимость “понимания” для “случаяния”)⁹».

Тема пути. Топологическая идея сферы

На первых страницах выбранного нами архивного документа наше внимание привлекают несколько тем, которые Мамардашвили задает, опираясь на образы и символы главным образом из Данте. Конечно, в романе Пруста дантовские аллюзии не редкость, но дело тут не в «ссылочной» организации мышления». По мнению Мамардашвили, это знак выполнения дела «на полную катушку», когда в итоге «путем соответствий или *correspondances* <...> то, что есть на самом деле, выразится само»¹⁰.

⁵ Мамардашвили М.К. Лекции по античной философии. М., 2009. С. 119.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 85.

⁸ Отсылка к роману Гёте «Избирательное сродство» (1809 г.), котором законы химического родства выступают своего рода пространством понимания человеческих страстей.

⁹ Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. Т. 1. С. 752.

¹⁰ Там же. С. 34.

Одна из таких тем – это тема Пути. Путь, о котором пишет Мамардашвили, не просто литературный образ или прием, он наделен особой размерностью, проходя в интервале «Я = Я живущих»¹¹. На этом Пути «весь мир, как опознанный обман-Герион, всплывает всей своей массой»¹² (у Пруста: с гулом)»¹³. Здесь же сразу же помечен ответом вопрос о том, что мы должны сделать, чтобы двинуться в эти глубины, и чем мы можем вытянуть из себя, опознать обман? – «искусством под знаком Вергилия (золотая нить смерти) – веревкой в тьму (двойной!)»¹⁴.

Одновременно Мамардашвили придает этому Пути определенный геометрический образ. Так, движение внутри обозначенного интервала «Я = Я» совершается «туннельно», по некоторой «дуге», «параболе» или даже по сфере. Для представления этого движения он обращается к другому произведению Данте, «Новой жизни»: «В одном образе можно связать и дугу над разорванными частями “Я” (соединение которых и есть вечный *смысл*), и нашу топологическую идею сферы – это те “непонятные слова”, что в гл. XII “Новой жизни” (неслучайное название!) говорит Данте явившийся ему во сне Амур»¹⁵.

Разбирая в лекциях этот эпизод, Мамардашвили замечает, что Амур это не только символ любви, но он еще и Эрот, одухотворяющий, согласно Платону, людей на поиск истины, т. е. символ познания. А его слова – призыв к Данте вступить на путь познания себя и мира, на котором все равны и равноудалены от божественного взгляда¹⁶. Но условие такой равноудаленности и, соответственно, начала пути – расставание с образом себя, со своим «Я».

В подготовительных материалах есть относящийся к этому эпизоду рисунок (Рис. 1) с комментарием: «Сфера внутри *интервала* Я = Я. То есть того “Я”, единство сознания которого было в классике условием атрибуции, объективации. Изменение себя, необратимость, [иначе. – А.П.] весь мир уже прибежал и стал тобой в виде привычки “мира” языка и логики и ощетинился психологическими механизмами страха и лени, надежды и привычки...»¹⁷.

¹¹ Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. Т. 1. С. 727.

¹² «Я видел – к нам из бездны, как пловец, / Взмывал какой-то образ возраставший, / Чудесный и для дерзостных сердец; / Так снизу возвращается нырявший, / Который якорь выпростать помог, / В камнях иль в чем-нибудь другом застрявший, / И правит станом и толчками ног» (Данте *Алигьери*. Ад. XVI, 130–136). «И образ омерзительный обмана, / Подплыв, но хвост к себе не подобрал, / Припал на берег всей громадой стана» (там же. XVII, 7–9).

¹³ Мамардашвили обращает внимание на аллюзию прустовского образа с приведенными выше строками из Данте, в которых речь идет об образе обмана. В романе так описывается впечатление героя романа Марселя, которое внезапно вызвал у него вкус размоченного в липовом чае пирожного «мадлен»: «... в то самое мгновение, когда: глоток чаю с крошками пирожного коснулся моего нёба, я вздрогнул, пораженный необыкновенностью происходящего во мне. <...> ...Я чувствую, как во мне что-то трепещет и перемещается, хочет подняться, снимается с якоря на большой глубине; не знаю, что это такое, но оно медленно плывет кверху; я ощущаю сопротивление, и до меня доносится рокот пройденных расстояний [*la rumeur des distances traversées*]» (Пруст М. В сторону Свана // Пруст М. В поисках утраченного времени. СПб., 2000. С. 78–79).

¹⁴ Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. Т. 1. С. 729. Мамардашвили не раз возвращается в лекциях к образу двойной веревки (в другом месте это «золотая нить ткани – веревочка Вергилия»), которую Вергилий швыряет в бездну. Этот образ, который получает несколько толкований, задает, в частности, еще одну особенность Пути – его «двухшаговость»: движение от «Я» к смерти и вновь к новому рождению «Я», которое оказывается возможным благодаря «искусству».

¹⁵ Там же. С. 730.

¹⁶ Там же. С. 50–51.

¹⁷ Там же. Подобный рисунок мы находим и в так называемых «Тетрадах», где Мамардашвили собирал материалы, связанные с его работой по Прусту. См.: там же. С. 772.

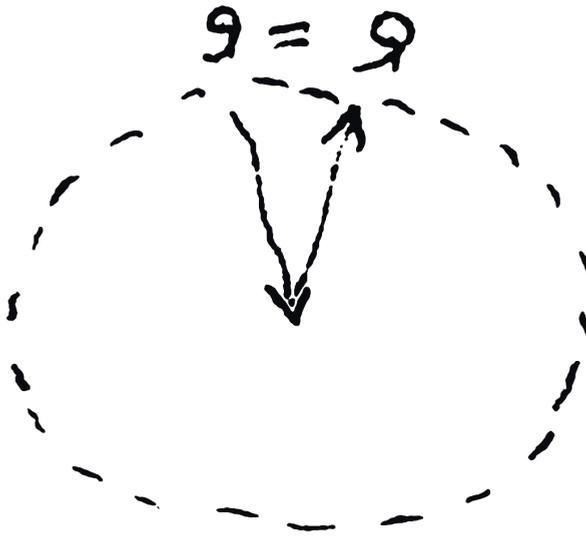

Рис. 1.

«Это классическое философское равенство, – продолжает он тему единства “Я” в лекциях, – тождество человека, или индивида, с самим собой <...> в тождестве, мы знаем, не остается свободного пространства, потому что “Я”=“Я”, но мы должны воображением растянуть его так, чтобы поместить в этот интервал целый мир»¹⁸.

Мамардашвили соединяет возникший у Данте образ сферы с древним символом полноты бытия как бесконечной сферы, центр которой везде, а окружность или окраина – нигде¹⁹. И тем самым движение по сфере становится соотносимым с любой точкой мира, с любым самым удаленным источником. Движение по сфере – это собирание себя вокруг некоего центра, но он – везде, нет выделенного места. Однако для конечного существа любой путь движения может быть только конечным. Поэтому дантовская сфера, даже вмещающая целый мир, должна быть в этом смысле соразмерна человеку²⁰. Но если такой путь собирания себя возможен, каков структурный механизм этой соразмерности?

Понимательный топос

В своей более ранней, но так и оставшейся незавершенной работе «Стрела познания»²¹ Мамардашвили вводит представление о «понимательном топосе». Этот образ возникает у него в контексте с обсуждения вопроса возникновения нового знания. Упрекая «унаследованную теорию познания» в

¹⁸ Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. Т. 1. С. 52.

¹⁹ Там же.

²⁰ Этот момент в явном виде в материалах не обсуждается, но символический ответ на него просматривается в уже описанном жесте Вергилия, бросающего в пропасть веревку. Этой веревкой, символизирующей, по Мамардашвили, двухшаговость пути, был первоначально опоясан Данте – она соразмерна ему.

²¹ Мамардашвили работает над ней во второй половине 70-х. Впервые она была опубликована в 1996 г.: Мамардашвили М.К. Стрела познания. Набросок естественно-исторической гносеологии. М., 1996.

неспособности воспроизвести имеющимися средствами реальный процесс научного познания²², в том, что она ухватывает лишь содержания событий знания, но никогда сами события, он предлагает расширить «основной набор номенклатурных единиц», добавив в него представление об особом пространстве событий знания или «понимательном топосе».

Это пространство он определяет как «трансверсальную развертку»²³ к «пространству трех прилеганий»²⁴. Под последним Мамардашвили понимает пространство так называемого гносеологического описания, в котором события мира описываются как бы в трех измерениях: в терминах физического смысла, субъективного восприятия и представлений из идеального мира сущностей. Понимательный топос, по мысли Мамардашвили, «трансверсален» или поперечен гносеологическому пространству трех прилеганий и открывается лишь в малом промежутке между двумя состояниями мира: между миром в одном состоянии и тем же миром, в котором произошло нечто необратимое – событие знания. Это «телесная ткань» или «сеть», «сплетающая нас вместе в “божественной среде”, в которой развязаны связи из естественного ряда, – в ней нужно создать себя (как бы заново родиться, ср.: Декарт)²⁵ и тем самым как бы заново породить пережитый мир, т. е. создать, чтобы испытать, понять, чтобы пережить»²⁶. В книге мы встретим множество образов-представлений понимательного топоса: «пазухи», «временные сумки», «сферы-небеса», «пространственно-временные складки», «глубины», «полости конечной протяженности». Все эти складки-топосы оказываются закрыты для внешнего (гносеологического) наблюдателя, «разглажены на плоскости в точку» – «развитие (“интервал”) свернулось в субъекта и не видно взгляду, разглаживающему [складку] в плоскость прямого и повторимого опыта»²⁷. Внешний наблюдатель видит лишь тождество одной и той же точки: Я = Я, ближайшая естественная причина определяет следствие, мир есть продолжение свойств предметов мира и т. д.

²² «... В унаследованной манере писания истории, где сам факт истории мысли парадоксален, интеллектуально непонятен и скандален (ибо если мысль – чистая воля понимания, оперирующая универсальной логикой и всеобщие обозримыми содержательными аргументами, то почему же нельзя было тут же и обо всем договориться?), пришиваются два подправляющих бантика: зияющая пустота сознания, заглывающая все новые и новые факты и укладывающая их в пирамиду по оси времени, или же “искажающие” (социальные и прочие) факторы. А уже простым переворачиванием этого получается культурно-исторический релятивизм (замкнутые цельные типы мышления) и антропологизм» (там же. С. 63).

²³ В это время Мамардашвили знакомится с книгой Жюль Делёза «Пруст и знаки», где в последней главе «Антилогос» появляется термин «трансверсальность» со ссылкой на работу Феликса Гваттари. (См.: *Deleuze G. Proust et les signes*. P., 1970. P. 162.) Однако следует заметить, что к прилагательному “*transversal*” нередко обращается в своем романе и Пруст, например, для описания особой связности между удаленными друг от друга событиями или персонажами, которая, возникнув, не нарушает их взаимной отделенности. Мамардашвили пользуется этим термином лишь в «Стреле познания», достаточно часто, но как бы испытывая его. Связь с книгой Делёза можно видеть и в том, что несколько достаточно обширных своих комментариев, оставленных им на полях книги Делёза, Мамардашвили переносит слово в слово в подготовительные материалы к лекциям о Прусте. Но эти и другие его пометки в книге Делёза свидетельствуют скорее о пересечении путей мысли философов, о *correspondances*, чем о заимствованиях.

²⁴ *Мамардашвили М.К.* Стрела познания. С. 125.

²⁵ «... Для того, чтобы сохранять во все мгновения своей продолжительности, субстанция нуждается в той же силе и в том же действии, которые были бы необходимы для ее порождения создания сызнова, в том случае, если бы она еще не существовала...» (*Декарт Р.* Метафизические размышления // *Декарт Р.* Избр. произведения. М., 1950. С. 367).

²⁶ *Мамардашвили М.К.* Стрела познания. С. 38.

²⁷ Там же. С. 38, 39, 41, 53.

В этих «временных сумках», пространствах «отсроченного действия» располагается то, что Мамардашвили называет «ноогенными машинами» или «машинами-произведениями», «порождающими артефактами», «третьими вещами» или «*opera operans*»²⁸. Задача этих генераций «создать, чтобы испытать», породить «конечные (и дискретные) связности, “вязкости”», удерживающие своей актуально данной конечностью бесконечную полноту мира. Самое трудное, замечает Мамардашвили, это «чувственно-телесное одевание таких генераций»²⁹.

В «Стреле познания» он приводит рисунок временной сумки с ноогенной машиной (Рис. 2): «Во временной “сумке” отсроченного действия, которую я рисую, мы должны <...> расположить машину времени, “ноогенную машину”. Это, так сказать, в сумке с несомкнутым верхом и видимости прямого (абсолютного) контакта (он затем у нас сомкнется в смысле недоступности того, что внутри) внешнему наблюдению, которое прямо видит воздействие объекта (удваивая мир)»³⁰. Однако этот рисунок не сообщает нам никаких структурных условий или принципов работы ноогенной машины, за исключением «несомкнутости» временной сумки и ее конечности.

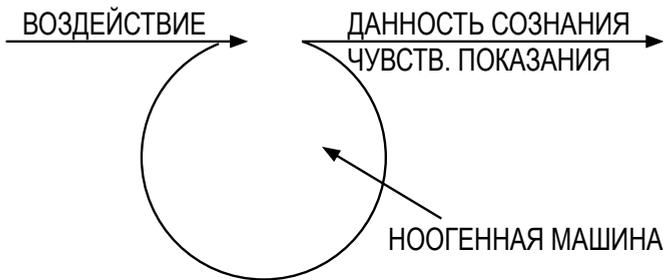

Рис. 2.

В этом же тексте упоминается, хотя и мельком, еще одно представление понятательного топоса – «сетка Мёбиуса». Этот термин несколько раз проскальзывает и в подготовительных материалах к лекциям по Прусту, встречается он и в других рабочих бумагах Мамардашвили. Но изображение обозначаемой этим термином модели и объяснение причин ее упоминания мы находим лишь в одной лекции по античной философии.

В девятой лекции курса по античной философии Мамардашвили в качестве иллюстрации своего философского рассуждения об «онтологической абстракции порядка» у Платона приводит чертеж, или, как он его называет, «математический пример», который он рисует на доске. Этот пример нетрудно реконструировать по описанию.

²⁸ Мамардашвили М.К. Стрела познания. С. 83.

²⁹ Там же. С. 230.

³⁰ Там же.

Представим себе множество точек, хаотично разбросанных на некоторой плоскости. Так можно представить себе нашу психическую жизнь: рассыпанные по бесконечной пространственно-временной плоскости точки-события. Такой образ мы встречаем, например, у Паскаля³¹ или у более близкого к нам по времени Мандельштама³².

Как упорядочить это множество точек и тем самым придать ему смысл? Допустим, можно попытаться внести в него порядок, установив закон перехода от одной точки к другой. Проблема, однако, заключается в том, что позади каждого события на нашей плоскости лежит бесконечное число других таких же точек-событий, впереди – тоже бесконечность, и каждая точка равноценна любой другой. Все наши попытки установить закон перехода от одной точки к другой оказываются лишь бесконечным воспроизведением все той же ситуации неопределенности.

Но представим, предлагает Мамардашвили, что нашему плоскому (двухмерному) пространству придано еще одно измерение: разместим под нашей плоскостью сферу, касающуюся нашей поверхности в какой-то одной точке. Для получившейся фигуры установим правило, по которому каждой точке плоскости будет соответствовать определенная точка на сфере. Например, это можно сделать, соединяя попарно точки на сфере и на плоскости с помощью луча, исходящего из нижнего полюса сферы (точка Z), как если бы в точке Z располагался источник света (Рис. 3). Построенная по такому правилу проекция бесконечной плоскости на сферу получила в математике название сферы Неймана³³. Сеткой Мёбиуса, к которой обращается Мамардашвили, называется наглядное представление такой проекции в виде отображения на сферу прямоугольной координатной сетки, лежащей на плоскости³⁴.

Что принципиально важного для нас содержится в этой конструкции, предложенной Мамардашвили? Такая система позволяет оперировать с отрезками бесконечной длины, расположенными на плоскости, представляя их дугами конечной длины, лежащими на сфере. Фактически перед нами структурное пространственное выражение принципа работы ноогенной машины или «третьих вещей», порождающих непосредственную данность бесконечного в конечном.

В нашей реальной жизни такими упорядочивающими свойствами, считает Мамардашвили, могут обладать – и в этом смысле играть роль понимательных топосов – вполне материальные образования. Например, небо, в

³¹ «Какие были у природы причины назначить мне именно такой предел и выбирать эту, а не другую точку в бесконечности, если у выбора нет оснований и ни одна точка не предпочтительнее другой» (*Паскаль Б.* Мысли. М., 1995. С. 130–131).

³² «Движение бесконечной цепи явлений без начала и конца есть именно дурная бесконечность, ничего не говорящая уму, ищущему единства и связи, усыпляющая научную мысль легким и доступным эволюционизмом, дающим, правда, видимость научного обобщения, но ценою отказа от всякого синтеза и внутреннего строя» (*Мандельштам О.Э.* О природе слова // *Мандельштам О.Э.* Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. М., 1991. С. 242).

³³ См.: *Чеботарев Н.Г.* Теория алгебраических функций. М.; Л., 1948. С. 233–234. Такая проекция была предложена в свое время для разрешения проблемы, с которой столкнулись математики при представлении комплексных чисел в виде точек на плоскости. При таком представлении комплексных чисел бесконечности соответствовала не какая-то удаленная точка, как это имеет место для последовательности действительных чисел, а неопределенная совокупность точек. Использование вместо плоскости ее сферической проекции решало эту проблему, бесконечность оказывалась спроецирована в точку (точка Z на нашем рисунке).

³⁴ Такое представление проекции плоскости на сферу часто используется в картографии при составлении географических карт.

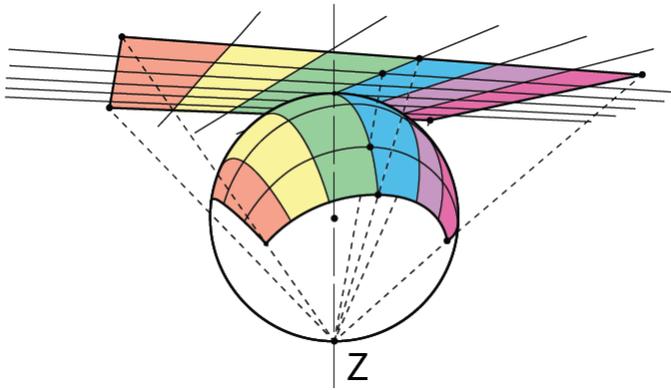

Рис. 3.

том смысле, в каком о нем рассуждали греки (в качестве «идеального астрономического тела», материального носителя гармонии), выполняет функцию такого «телескопа», «наблюдение которого <...> производило в наблюдающем <...> упорядоченность души»³⁵. «...В жизни, в мире есть какая-то абстрактная ткань (“мёбиусные” точки), – комментирует этот рисунок Мамардашвили, – она есть организующая ткань: на ней собираются точки нашей бесконечной, беспредельной в пифагоровском смысле жизни, то есть жизни хаоса, распада. <...> Мы называем это структурами, а Платон именно это называл идеями»³⁶.

К топологии трансверсальности

Вернемся вновь к подготовительным материалам по Прусту. Проведенный беглый анализ топологических образов, к которым обращается Мамардашвили, позволяет говорить о дантовской сфере как о своего рода понимаемом топосе и, соответственно, понимать Путь в интервале «Я = Я» как движение в этом топосе. Но как перейти в этот топос? Как оказаться «внутренним наблюдателем»?

Заглянуть за «сторону листа» несложно: «истина проста, – читаем в заметках, – нужно узнать “*divinité*” (“божество” (*фр.*) – *А.П.*) (то, что нами уже принято и чему мы преподносим “*offrande*” (“дары” (*фр.*) – *А.П.*), гипостазирував воображаемый фокус³⁷)». Это происходит лишь «случайно и неизбежно»³⁸, замечает Мамардашвили, словно вторя Делёзу³⁹, и появление возможности вхождения в трансверсальное «вертикальное» пространство передает метафорой обращения к нам чего-то невидимого, иного, которое приковывает нас к своему образу⁴⁰, «вспучивая» поле видения завораживающими нас

³⁵ Мамардашвили М.К. Лекции по античной философии. С. 156.

³⁶ Там же.

³⁷ Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. Т. 1. С. 732.

³⁸ Там же. С. 746.

³⁹ «...Философскому понятию “метода” Пруст противопоставляет двойное понятие – “неотвратимость” [*contrainite*. – *А.П.*] и “случайность” [*hasard*. – *А.П.*]. Истина зависит от встречи с чем-то, что вынудит нас думать и искать правду. Случайность встреч и давление неотвратимости – две фундаментальные прустовские темы» (Делёз Ж. Пруст и знаки. М.; СПб., 1999. С. 41).

⁴⁰ «...Мы попадаем в поле некоего взгляда, который нас приковывает» (Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. Т. 1. С. 62).

фигурами. Здесь можно вспомнить и сон Данте о плачущем Амуре, и прустовские образы произвольных воспоминаний, вызванные, казалось бы, случайными впечатлениями (вкус печенья, жесткий край накрахмаленной салфетки, шум радиатора отопления), или образы завороченности Марселя вечной ускользающей Альбертиной, Сен-Лу – своей возлюбленной Рашелью. Но они лишь возможность вхождения в топос, лишь знак окликанья нас чем-то иным, невидимым, знак того, что «истина уже есть, будущее уже зашло в пережитое прошлое, и его нужно лишь высвободить как прошлое...»⁴¹. И в то же время это вызов для нашей идентичности.

Заблуждения и пафосы, приношение им «даров» в страстном кружении вокруг «гипостазированного» ими фокуса – даруют неизменность нашей идентичности, замыкая ее на предметностях кристаллизаций, в которых свернулась бесконечность причин и следствий нашей жизни. Их невозможно разложить «впрямую, в лоб». Однако, замечает Мамардашвили: «всегда есть точка, к которой нельзя прийти прямо <...> и в свете ее, по отношению к ней выступает точка равноденствия, после которой – все изменения». И далее: «Переключение пафосов на “высокое” за “предметным” – свобода <...> И если сзади есть “история” пафосов, то впереди есть “встреча” и освобождение (поэтому и обидчика любим: он открыл нам, любим его божественной любовью и можем себя тратить и расставаться, вырываясь из крючков несправедливого к нам любимого, ибо открыли то, что есть)»⁴².

В «Подготовительных материалах» Мамардашвили иллюстрирует прохождение Пути героем романа Пруста двумя конусообразными воронками, выталкивающей и втягивающей, которые возникают в точках «вспучивания», которые он называет также сингулярными. «Воронки напряжения – сопряжения сил и канализации по “*lignes aimantées*” [“магнитным линиям” (фр.)]»⁴³.

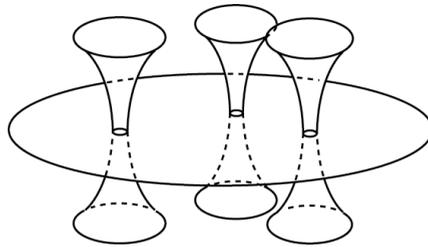

Рис. 4.

Итак, есть сингулярные точки, в которых к нам обращаются вещи, но не как объекты наблюдения, а как сообщения, как знаки иного события (вспомним у Пруста: «словно первые или последние аккорды некоего загадочного торжества»)⁴⁴, как возможность воссоединения с собой, со своим «живым» Я. Эти точки, начало движения по внутреннему колодецу, который есть колодец страданий, что, расширяясь во времени, стягивает груз пережитого на нас и, лишая возможности опереться на прошлое, выталкивает в точку «равноденствия» (Рис. 5). Все «тяжести» знания, все богатства не весят больше ничего, «весь наш мир – внутри малюсенькой точки»⁴⁵. Это точка начала расширения

⁴¹ Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. Т. 1. С. 746.

⁴² Там же. С. 740.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Пруст М. В поисках утраченного времени: У Германтов. СПб., 2005. С. 232.

⁴⁵ Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. Т. 1. С. 67.

нашей души. Подобно Данте, ведомому Вергилием, мы должны совершить в ней переворот. Нужно перевернуть фигуру, комментирует рисунок Мамардашвили, «чтобы получить пространство реализации (актуализации многомерной) процессов и событий, состояний и событий. Но повернулись вокруг мнимой оси. И начали транскрипцию»⁴⁶.

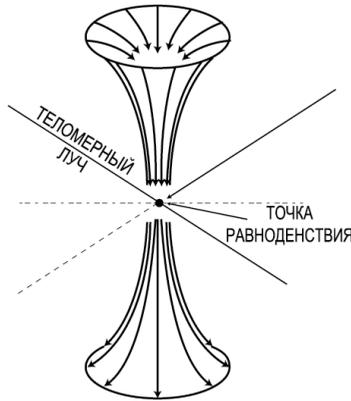

Рис. 5.

Нельзя, однако, не заметить, что предлагаемая топология сходящихся и расходящихся воронок не раскрывает осуществимости предполагаемого перехода, оставляя структурную необходимость и возможность «поворота» и «транскрипции» лишь на уровне слов. Вероятно, в поисках ускользающего решения Мамардашвили вновь и вновь возвращается к разным вариантам изображения этой схемы. Такого рода наброски мы встречаем не только в комментируемом документе, но и в других подготовительных материалах и к первому, и ко второму циклам лекций о Прусте.

В то же время он находит определение для этих воронок: индуктивные. В тетрадах есть даже набросок рисунка, на котором сужающаяся и расширяющаяся воронки представлены по аналогии с тем, как изображают напряженность магнитного поля, индуцированного витком электрического поля⁴⁷. В образе индукции, как представляется, он видит метафору принуждения к движению по сужающимся и затем расширяющимся траекториям (вдоль «магнитных линий»⁴⁸). Мамардашвили словно пытается наполнить мыслительное пространство образами понятных нам, «умных» вещей. Вместе с тем он явно находится в поисках топологической формы «переворота» и «транскрипции».

Возможность построения топологии события переворота и транскрипции, на наш взгляд, существует. Более того, для этого практически весь необходимый инструментарий у нас уже есть.

Это рассмотренная нами ранее структурная связка сферы и плоскости (см. Рис. 3). Вернемся вновь к упоминавшемуся уже сюжету из «Новой жизни», в котором явившийся во сне ангел пожелал Данте встать в его круг. Как мы помним, в интерпретации Мамардашвили этого образа речь идет о призыве начать движение по пути, ведущему к подлинному «Я», к «Я живущих», по сфере внутри интервала Я = Я.

⁴⁶ Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. Т. 1. С. 756.

⁴⁷ См.: там же. С. 774.

⁴⁸ Там же. С. 740.

Призыв ангела к Данте – знак начала Пути. В нашей топологической структуре это точка «Я», место встречи с завораживающим предметом, в случае с Данте это пафос любовной страсти, в котором независимо от нас и нашего желания мы уже есть, мир уже включил в себя нас и наше «понимание» этого предмета. «Уже любя, не можем вспомнить обстоятельств “полюбления”, и то, что нужно вспомнить, “мы того никогда не узнаем”»⁴⁹, – приводит Мамардашвили в заметках слова Пруста.

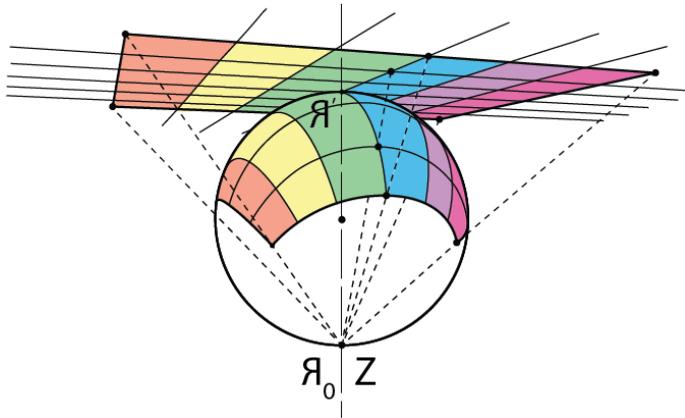

Рис. 6.

Но если ушли «в сдвиг вбок от повторения в последовательности», то можем оказаться в «точке равноденствия». В нашей топологии ей соответствует нижний полюс (точка Z) нашей сферы (Рис. 6), в которой веером сходятся лучи проекций-отражений всех точек плоскости, всего бесконечного пространства-времени, это топологический образ дантовской «середины», «где сходятся всех тяжестей поток». Это место полноты сознания. «Борьба со временем, стояние, *т. е. геометрия* (сознание – то, что стоит против времени)»⁵⁰, – предложит Мамардашвили топологическую характеристику точки равноденствия. Она одновременно и точка смерти, и начало «новой жизни», в котором открывается возможность перехода от сознания к смыслу⁵¹, от знания к пониманию. Но оказавшись в точке равноденствия, мы можем прервать движение, вернуться назад и продолжить себя прежнего, погрузившись во «внешнюю цепь» причин и следствий своих пафосов, лишь на мгновение испытав зачарованность или потрясение от открывшегося⁵². И в этом смысле «умереть к себе самому»⁵³.

⁴⁹ Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. Т. 1. С. 957.

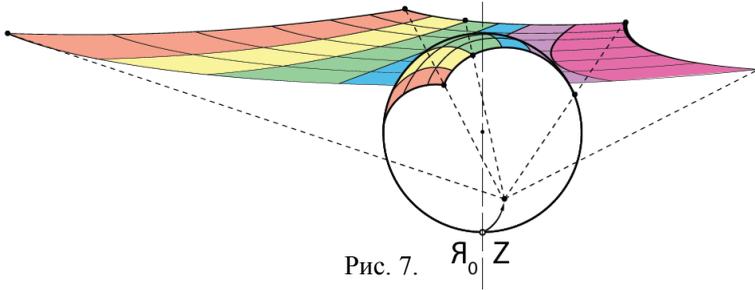
⁵⁰ Там же. С. 752.

⁵¹ «...Конец сознания, начало смысла» (там же. С. 756). Заметим, что Мамардашвили и Пятигорский в совместной книге «Символы сознания» называют то, чем они занимаются, «борьбой с сознанием». См.: Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символы сознания. М., 2009. С. 22–23.

⁵² Мамардашвили пересказывает сюжет из Пруста: «...художник, выйдя к точке обмена своей души на универсальную душу, или к точке прерывистого пребывания в абсолютной истине, может или заболеть, или отвлечься, или отложить труд своей жизни, или истратить свою эмоцию на полуобморочные восклицания: “Ах, как красиво!”, “Ах, какие очаровательные люди!” – на эти первые эссе, первые опыты природы» (Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. Т. 1. С. 406).

⁵³ “...*Et l'esprit meurt à soi-même...*” (Proust M. À la recherche du temps perdu. Т. III. P., 1954. P. 905). См. также: Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. Т. 1. С. 531.

Воспользуемся опять образом из Данте. Именно движение по дуге сферы выбирает Мамардашвили в качестве топологического образа «искусства под знаком Вергилия». Оно, собственно, и есть «поворот», движение на «плечах опознанного обмана», увлекающее за собой сознание мира, которое открылось нам в точке равновесия: «двинуться по линиям времени в сфере (петляющим, соединяющим поверх территории разнородное, разрывающим и связывающим, см. стр. 24 “Пруст и знаки”⁵⁴)»⁵⁵.

Предложенная сферическая топология позволяет представить это движение в виде вращения сетки Мёбиуса по сфере. При этом мы можем сохранить представление Мамардашвили об индуктивности процесса, сохранив правило первоначального построения сетки Мёбиуса, согласно которому соответствующие пары точек плоскости и сетки и при повороте сетки лежат на луче, выходящем из точки Z (Рис. 7). В этом случае поворот по сфере сетки Мёбиуса влечет за собой инверсию плоскости, подобно вихрю индуцируя новую форму «мира»⁵⁶. Двигаясь по дуге из $Я_0$ в $Я''$ (если воспользоваться обозначениями Мамардашвили), неся на своих плечах тяжесть «знания» мира, мы по дороге «перевертываемся» вокруг невидимого центра (*divinité*) и оказываемся вновь в точке нашего «входа» в сферу, но на другой стороне «интервала» под другим «небом» над головой (Рис. 8). Бесконечно далекое стало близким. Произошло «растворение» первоначальной кристаллизации или пафоса.

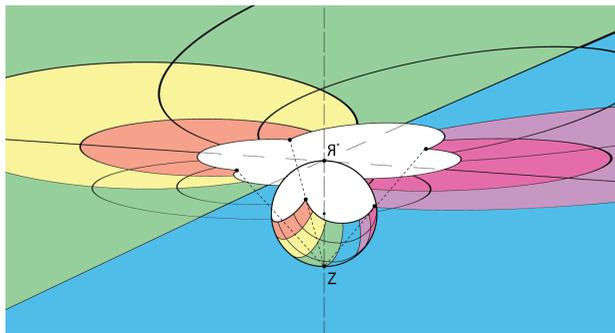

Рис. 8.

⁵⁴ Вероятно, отсылка к следующей фразе из книги Делёза о Прусте: «Каждый род знаков участвует в нескольких линиях времени, каждая линия смешивает различное количество знаков» (*Deleuze G. Proust et les signes*. P., 1970. P. 24).

⁵⁵ Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. Т. 1. С. 746.

⁵⁶ Фактически речь идет о наглядном представлении преобразования Мёбиуса. См.: *Arnold D.N., Rogness J. Möbius Transformations Revealed // Notices of the American Mathematical Society*. 2008. Vol. 55. No. 10. P. 1226–1231. Рисунки, представленные в указанной работе, послужили основой для создания представленных здесь изображений преобразования Мёбиуса.

Но не ведет ли это лишь к новой кристаллизации, очередному «Я»? В этой связи Мамардашвили замечает: «Одно дело – кристаллизация *identity* (и воспроизводство себе подобного) вокруг неделимого пафоса страсти (всегда утилитарно и контекстуально осмысленного), другое дело – вокруг абсолютного (невидимого, непрерывно становящегося), вокруг “высших” объектов (состояний). Лишь последнему открыта реальность и законы. Открыты в метафизическом и экзистенциальном самостановлении и самопознании. Но тогда *identity* уже будет в пространстве эк-стазиса, вне-себя-бытия, там-бытия»⁵⁷. Новая форма, в свою очередь кристаллизуя процессы, выступает условием нового опыта.

* * *

Топологическому образу сферы и связанным с ним «сферически-сдвиговому» движению Мамардашвили, хотя и не давая достаточно развернутого топологического представления⁵⁸, придает предельно динамический характер, непосредственно соотнося его с состоянием полноты жизни: «...жить! Жить, смещаясь, как центр, который везде, а периферия которого нигде, и все это отсутствует во внешнем пространстве наблюдения, ибо продолжено в нас, в нас проросло и переплелось подземными путями, “туннельно”. *Versus* предметный бег описания и эрудиции. На волне-пилоте, втягивающей из своей точки-пертурбации включения весь мир»⁵⁹.

«Ходить вдоль и поперек», продолжает Мамардашвили эту мысль в другом месте, нам мешает «метафорический элемент», связанный с нашим воображением. Но тогда, заключает он, «лучше “прожить”⁶⁰ метафору, чем быть ею. Порванная нить жизни должна быть завязана, завязана в точки роста. Там, где крайняя опасность, там и спасение»⁶¹.

Предложенное нами топологическое представление дополнительного «трансверсального» измерения при всех, казалось бы, различиях в используемой авторами терминологии и эстетике интонирования обнаруживает структурную общность подхода Мамардашвили и представленного в уже упоминавшейся книге «Пруст и знаки» подхода Делёза к роману Пруста.

Эта структурная общность отчетливо просматривается в метафорических образах, к которым обращается Делёз в заключительной главе книги «Пруст и знаки», озаглавленной «Присутствие и функция безумия. Паук»⁶². Его внимание привлекает настойчивость, с какой Пруст изображает героя-рассказчика лишенным естественной способности видеть, воспринимать, осязать. Рассказчик (Марсель) в представлении Делёза оказывается буквально лишенным органов чувств, он предстает словно одно «огромное тело без органов».

⁵⁷ Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. Т. 2. М., 2014. С. 894.

⁵⁸ В различных текстах Мамардашвили можно найти отдельные фрагменты представления, например: «...развертка в смысл есть развертка (которой мы индивидулируемся) в нас или нами. И есть вывернутое представление поверхности, “сети” Мёбиуса, есть свернутое движение» Цит. по: Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. Т. 2. С. 777.

⁵⁹ Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. Т. 1. С. 893.

⁶⁰ Отсылка к образу «прожитой метафоры» у Эзры Паунда. См.: Paund E. Canto LXXXII // Cantos of Ezra Paund. N. Y., 1996. P. 546. (Рус. пер.: Малявин В.В. Китайские импровизации Паунда // Восток-Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М., 1982. С. 274.) См. также: Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. Т. 2. С. 398.

⁶¹ Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. Т. 1. С. 1017.

⁶² Эта глава появляется лишь в последней редакции книги Жюль Делёза «Пруст и знаки». По всей видимости, Мамардашвили с ней не был знаком.

Что же это такое, тело без органов? Паук также ничего не видит, не воспринимает, не вспоминает. Но на краю своей паутины он улавливает малейшие вибрации, которые распространяются по телу интенсивными волнами и заставляют его ринуться в нужное место. Не имея глаз, носа, рта, паук отвечает исключительно на знаки, мельчайший знак, который наплывает на его тело, как волна, пронизывает его и побуждает бросаться на добычу. «Поиски» построены не на манер собора или платья, это – паутина... Несмотря на свою крайнюю чувствительность и фантастическую память, нарратор не имеет органов, поскольку лишен производного и систематического использования своих способностей... Это – тело-паук, шпион, полицейский, ревнивец, истолкователь и непомерно требовательный человек является безумцем, универсальным шизофреником, который протягивает одну паутину к параноику-Шарлю, а другую – к эротоманке-Альбертине, протягивает, чтобы превратить их в марионеток своего безумия, интенсивных сил его тела без органов, профилей его сумасшествия⁶³.

Топологическая структура, предлагаемая здесь Делёзом, так же как и у Мамардашвили, образована поверхностью, размеченной знаками по линиям времени и пространства, поперечно которой, вне ее, в пространстве иного измерения, происходит постоянное, порождаемое малейшими колебаниями на поверхности знаков перемещение некоторой сферической формы. Это движение, в свою очередь, приводит к разрыву, перегруппировке и снова сшивке потоков видимых знаков поверхности. Делёзов паук в такой топологической конструкции оказывается своего рода существом или воплощением «Пифагоровой сферы», которое у Мамардашвили противопоставляется существу поверхности, «существу Пуанкаре»⁶⁴.

Можно сказать, что Делёз и Мамардашвили открывают посредством романа Пруста «трансверсальное измерение», «трансверсальность»⁶⁵, «дополнительный акт жизни, а не наблюдение»⁶⁶.

Список литературы

Данте Алигьери. Божественная комедия / Пер. с ит. М. Лозинского. М.: Наука, 1967. 628 с.

Данте. Новая жизнь / Пер. с ит. М.И. Ливеровской. Самара: Тип. Штаба 4-й армии, 1918. 95 с.

Декарт Р. Метафизические размышления / Пер. с фр. В.В. Соколова // *Декарт Р.* Избр. произведения. М., 1950. С. 319–408.

Делёз Ж. Пруст и знаки / Пер. с фр. Е.Г. Соколова. М.; СПб.: Алетейя, 1999. 190 с.

Малевич В.В. Китайские импровизации Паунда // Восток-Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М., 1982. С. 246–277.

Мамардашвили М.К. Лекции по античной философии. М.: Прогресс-Традиция; Фонд Мераба Мамардашвили, 2009. 248 с.

⁶³ *Deleuze G.* Proust et les Signes. P. 218–219. Цитата приведена в пер. с фр. М.К. Рыклина по: *Рыклин М.* Стратегии паука (сознание и сингулярность) // *Рыклин М.* Свобода и запрет. Культура в эпоху террора. М., 2008. С. 125–126. (Перевод исправлен. – А.П.)

⁶⁴ *Мамардашвили М.К.* Психологическая топология пути. Т. 2. С. 907.

⁶⁵ На странице книги «Пруст и знаки», где Делёз дает образную характеристику трансверсальности у Пруста, как то, в частности, «что обеспечивает передачу луча от одной вселенной к другой, столь же разных, как астрономические миры» (*Deleuze G.* Proust et les signes. P. 162), Мамардашвили оставляет карандашом комментарий: «У меня сдвиговое движение сферы сознания несет эти лучи». И ниже: «Сдвигом соединяемая с бесконечной длительностью “любимых” и других» (цит. по архивному экземпляру книги).

⁶⁶ *Мамардашвили М.К.* Психологическая топология пути. Т. 1. С. 775.

- Мамардашвили М.К.* Очерк современной европейской философии. М.: Прогресс-Традиция; Фонд Мераба Мамардашвили, 2010. 584 с.
- Мамардашвили М.К.* Психологическая топология пути. Т. 1. М.: Фонд Мераба Мамардашвили, 2015. 1072 с.
- Мамардашвили М.К.* Психологическая топология пути. Т. 2. М.: Фонд Мераба Мамардашвили, 2014. 1232 с.
- Мамардашвили М.К.* Стрела познания. набросок естественно-исторической гносеологии. М.: Яз. рус. культуры, 1996. 304 с.
- Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М.* Символы сознания. М.: Прогресс-Традиция; Фонд Мераба Мамардашвили, 2009. 288 с.
- Мандельштам О.Э.* О причине слова // *Мандельштам О.Э.* Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. М., 1991. С. 241–259.
- Паскаль Б.* Мысли / Пер. с фр. Ю.А. Гинзбург. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1995. 480 с.
- Пруст М.* В поисках утраченного времени: Обретенное время / Пер. с фр. А. Смирновой. СПб.: ИНАПРЕСС, 2000. 384 с.
- Пруст М.* В поисках утраченного времени: У Германтов / Пер. с фр. Н.М. Любимова. СПб.: Амфора, 2005. 670 с.
- Пруст М.* В сторону Свана / Пер. с фр. А.А. Франковского // *Пруст М.* В поисках утраченного времени. СПб., 2000. С. 27–538.
- Рыклин М.* Стратегии паука (сознание и сингулярность) // *Рыклин М.* Свобода и запрет. Культура в эпоху террора. М., 2008. С. 125–126.
- Чеботарев Н.Г.* Теория алгебраических функций. М.; Л.: Гостехиздат, 1948. 396 с.
- Arnold D.N., Rogness J.* Möbius Transformations Reveled // *Notices of the American Mathematical Society.* 2008. Vol. 55. No. 10. P. 1226–1231.
- Cantos of Ezra Paund.* N. Y.: New Directions Publishing Corporation, 1996. 824 p.
- Deleuze G.* Proust et les signes. P.: Qardrige; PUF, 1998. 220 p.
- Deleuze G.* Proust et les signes. P.: PUF, 1970. 198 p.
- Needham T.* Visual Complex Analysis. Oxf.: Clarendon Press, 2000. 592 p.
- Proust M.* À la recherche du temps perdu. Т. III. P.: Gallimard, 1954. 1319 p.

Drafting as elemental force. Toward a topology of transversality

Andrei Paramonov

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; National Research University Higher School of Economics. 20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation; e-mail: andrei-paramonov@yandex.ru

This article investigates the problem of the status spacial images and drawings may have in a philosophical text. The source of the present study are the recently published preparatory notes for the lectures on Proust held by Merab Mamardashvili in 1981-82. Mamardashvili papers abound in schematic sketches which graphically convey spatial images. In his interpretation, Dr. Paramonov suggests a model of the so-called topos of understanding, or transversal space, as the structural principle of Mamardashvili's intellectual manner. Application of such model leads to the conjecture about the structural similarity between the approaches to the analysis of Proust's novel *In Search of Lost Time* used by Mamardashvili and Gilles Deleuze.

Keywords: drafting as elemental force, topology, transversality, topos of understanding, noogenic machine, Möbius grid, Möbius transformation

References

- Arnold, D.N. & Rogness, J. "Möbius Transformations Reveled", *Notices of the American Mathematical Society*, 2008, Vol. 55, No. 10, pp. 1226–1231.
- Cantos of Ezra Paund. New York: New Directions Publishing Corporation, 1996. 824 pp.
- Chebotarev, N. *Teoriya algebraicheskikh funktsii* [Theory of Algebraic Functions]. Moscow; Leningrad: Gostekhizdat Publ., 1948. 396 pp. (In Russian)
- Dante Alighieri. *Bozhestvennaya komediya* [La Divina Commedia], trans. by M. Lozinskiy. Moscow: Nauka Publ., 1967, 628 pp. (In Russian)
- Dante Alighieri. *Novaya Zhizn'* [La Vita Nuova], trans. by V. Liverskya. Samara: Shtab Chetvertoj armii Publ., 1918. 95 pp. (In Russian)
- Decart, R. "Metafizicheskie razmyshleniya" [Méditations], trans. by V. Solov'yev, in: R. Decart, *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1950, pp. 319–408. (In Russian)
- Deleuze, G. *Proust et les signes*. Paris: Qardrige; PUF, 1998. 220 pp.
- Deleuze, G. *Proust et les signes*. Paris: PUF, 1970. 198 pp.
- Deleuze, G. *Prust i znaki* [Proust et les signes], trans. by E. Sokolov. Moscow; St. Petersburg: Aletejya Publ., 1990. 190 pp. (In Russian)
- Malyavin, V. "Kitajskie improvizacii Paunda" [Chinese Improvisations of Ezra Pound], *Vostok-Zapad. Issledovaniya. Perevody. Publikacii* [East-West. Investigations. Translations. Publications]. Moscow: Nauka Publ., 1982, pp. 246–277. (In Russian)
- Mamardashvili, M. *Lekcii po antichnoj filosofii* [Lectures on Ancient Philosophy]. Moscow: Progress-Tradiciya Publ.; Fond Meraba Mamardashvili Publ., 2009. 248 pp. (In Russian)
- Mamardashvili, M. *Ocherk sovremennoj evropejskoj filosofii* [Essay on Contemporary European Philosophy]. Moscow: Progress-Tradiciya Publ.; Fond Meraba Mamardashvili Publ., 2010. 584 pp. (In Russian)
- Mamardashvili, M. *Psihologicheskaya topologiya puti* [Psychological Topology of the Way], Vol. 1. Moscow: Fond Meraba Mamardashvili Publ., 2015. 1072 pp. (In Russian)
- Mamardashvili, M. *Psihologicheskaya topologiya puti* [Psychological Topology of the Way], Vol. 2. Moscow: Fond Meraba Mamardashvili Publ., 2014. 1232 pp. (In Russian)
- Mamardashvili, M. & Pyatigorskij, A. *Simvoly soznaniya* [Symbol and Consciousness]. Moscow: Progress-Tradiciya Publ.; Fond Meraba Mamardashvili Publ., 2009. 288 pp. (In Russian)
- Mandelstam, O. "O prichine slova" [About the Nature of the Word], in: O. Mandelstam, *Sobranie sochinenij* [Collected Edition], Vol. 2. Moscow: Terra Publ., 1991, pp. 241–259. (In Russian)
- Needham, T. *Visual Complex Analysis*. Oxford: Clarendon Press, 2000. 592 pp.
- Pascal, B. *Mysli* [Pensées], trans. by Yu. Ginzburg. Moscow: Izdatel'stvo imeni Sa-bashnikovyx, 1995. 480 pp. (In Russian)
- Proust, M. *À la recherche du temps perdu*, t. III. Paris: Gallimard, 1954. 1319 pp.
- Proust, M. *V poiskah utrachennogo vremeni: Obretennoe vremya* (A la recherche du temps perdu: Le temps retrouvé), trans. by A. Smirnova. St.Petersburg: INAPRESS Publ., 2000. 384 pp. (In Russian)